

дится почти буквально двумя строчками ниже слов: «худу струю имѣя». Козловский для более палеографического понимания этого места соединил слова «и стругы» в одно слово «истругы», как встречается в разных рукописях, «испросу» вм. «спросу», «изря» вм. зря, в говорах и т. п. и прибавил: «иструга» равняется простому «струга», струя, волна. Такое насильственное обращение с текстом требует нового пересмотра вопроса, тем более, что слово «стругы», в значении «ладья», представляло для моего комментария предмет материальной культуры, наряду с насадом и кораблем, упоминаемым в Слове о п. И. К тому же и слову «ростре» посчастливилось не больше, чем слову «стругы», а было изменено в «простре» для получения какого-нибудь смысла при понимании слова «стругы» как струи. Козловский так исправил текст: «Стугна река (сама), имѣя мало воды (но) поглотив чужие ручьи, простерла свои волны по (прибрежному) кустарнику, и (таким образом) затворила Днѣпр (—заградила доступ к Днѣпру) юному князю Ростиславу». Вместо «ростре» Козловский вслед за В. Ф. Миллером читал «простре», предположив лигатуру из трех букв, которую неопытный чтец прочел как лигатуру из двух букв и прочел вместо простре — ростре. Но такое чтение еще более усложняет дело новым предположением. Притом летописный рассказ об этом событии прямо требует удержания обычного смысла слова «стругы» в значении ладьи. Русское войско, потерпевшее поражение от половцев, бежало и направилось в брод через реку Стугну «бѣ бо наводнилася вельми тогда». Владимир Мономах с юным Ростиславом «прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ и вбрѣде Володимер с Ростиславом. Нача утопат Ростислав перед очима Володимира, и хотѣ похватити брата своего и мало не утопе сам, и утопе Ростислав, сын Всеволожь. Владимир перебрѣд рѣку с малою дружиною . . . и перешед на ту сторону Днѣпра, плакася по братѣ своем». Хотя в Печерском Патерике и говорится, что «Владимир прееха рѣку молитвы ради святых и благословения», а Ростислав утопе со всѣми своими вои» . . . , но летописный рассказ более достоверен, так как если бы войско и князья имели в своем распоряжении лодки для переправы, то спаслись бы, но, очевидно, Ростислав утонул, идя в брод. В Слове о п. И. прямо сказано, что Стугна что-то сделала со «стругами» и тем затворила юному князю Днепр. Очевидно, что в словах «стругы ростре на кусту» заключается объяснение того, что сделала Стугна со стругами, или ладьями, лишив князей и войско перевозочных средств и заставив их итти в брод. Срезневский понял дело так, что Стугна растерла струги или ладьи по кустам, т. е., повидимому, побросала их в кусты, но он не мог нигде больше указать никакой параллели к слову «ростре» и производил его от «рострети»,